

Base Jumping

Действующие лица:

Петр, Неизвестный, отец, мать, Карлос, дон Хуан, Федерико Гарсиа Лорка

Неизвестный. Хуйня. Бред какой-то.

Выезжает Петр на мотоцикле.

Петр (обращаясь неизвестно к кому и демонстрируя мотоцикл). Нравится, да? Мой. С детства о таком мечтал. Вот, заработал. Жена, правда, развыступалась: что ты, говорит, как маленький, ты ж на нем убьешься, о ребенке подумай, идиот, лучше б полезное что-нибудь купили... ну и все в том же духе. А я — доволен. Мечтал, заработал, купил. Нынче ведь жизнь как устроена — любую мечту осуществить можно, были бы деньги. А чтобы деньги были, работать нужно много. Ну или украсть где-нибудь, но это не про меня. Я — человек честный. Врать не умею. Врать — стыдно, так мне родители всегда говорили. Зря я их слушал, наверное. Научился бы врать — может, на Харлее б сейчас катался. Но так тоже ничего, правда? Мне лично нравится. Да и вообще мне в жизни все нравится, хоть и тяжело порой приходится таким как я. Почему? Ну ведь если сам врать не умеешь, то и от других подвоха не ждешь, правда? А в наше-то время — разве можно верить кому-нибудь? Чему-нибудь? Все какое-то зыбкое... неопределенное... ненастоящее. Ты и рад бы не верить, да не получается. Вот и веришь в итоге во всякую хуйню... в бред какой-то...

(К Неизвестному.) Я говорю — одна сплошная ложь кругом. Все такое зыбкое... неопределенное... словно и не настоящее вовсе. Не за что уцепиться. Некуда идти. Все лгут, все сволочи... постоянно обманывают, хитрят, запутывают, ищут выгоду... а я что? Я и рад обмануться! Хожу вот по жизни и прошу у мироздания: «Обмани меня! обмани! обмани!» Ну и получаю в ответ обман по полной программе: первое, второе, салат, и компот с десертом. Все — одна сплошная ложь. Вот и ты — наверняка ведь тоже меня обманываешь сейчас в чем-то. Скажешь, нет?

Неизвестный. Нет.

Петр. А с чего я должен тебе верить? Кому вообще можно нынче верить? Чему? Меня обмануть легко, я человек доверчивый. Взять, например, телевизор. В новостях говорят — в Киеве нацисты лютуют, мальчика в Мариуполе на заборе распяли. Кошмар, правда?

Неизвестный. Правда.

Петр. А я и верю, разумеется, как не поверить? Потом в Интернет захожу, а там аргументированно так объясняют — все нацисты сидят в Кремле, а мальчика никакого не было. Все это чушь, фальсификация и путинская пропаганда. Убедительно? Убедительно. Ну и что тебе остается? Разумеется, опять веришь.

Неизвестный. Веришь?

Петр. Верю! А правда-то где? Где она, скажи, да и есть ли она вообще? Вот и начинают в голову мысли лезть самые разные. О реальности мира и всяком таком. Думаешь — а может, и вовсе нет никакой Украины? Я вот там лично не был никогда. Вдруг ее какие-нибудь масоны придумали, чтобы меня в заблуждение ввести и миром править? И Америки нет, и Канады с Австралией, а земля плоская и покоится на трех китах.

Скажешь, бред?

Неизвестный. Бред.

Петр. А доказательства-то где? Предъявите мне доказательства! Вот взять, например, религию. Нам церковники тысячу лет говорили, что Солнце вращается вокруг Земли, а мир со всеми его обитателями в шестидневную рабочую неделю создал Бог. И все верили! А попробуй тут не поверь, когда вокруг только так и говорят, а чуть усомнился — в костер тебя, сука, как Джордано Бруно. Но тут вдруг приходят ученые и говорят: не, ребята, стоп, все вообще не так было. Эволюция, динозавры, происхождение видов, все дела. И все такие опять — хоп! — и верят! А как же Бог, которому до этого поклонялись? Он теперь где?

Неизвестный. Где?

Лорка (очень тихо). Однажды кто-то позвал меня по имени, по сло-гам...

Петр. Где-где... В том-то весь и смех, что Бога никто не отменял. Вроде б как у нас теперь будет и Дарвин, и господь Бог, да еще и Сидхартха Гаутама с Кришной впридачу. В советское время как было, у родителей моих? Материя первична, сознание — вторично, мир объективен и познаваем, а человек после смерти живет в плодах своих дел... и что?

Неизвестный. Что?

Петр. Да и ничего! Как сверху директиву сменили, так все обратно по мечетям и церквям ломанулись. То был Брежнев в Москве и научный атеизм в головах, а теперь Всевышний на небесах и программа «Нурлы жол» в отдаленном светлом будущем. Может ли честный человек при таких раскладах во что-то такое уверовать, а? Стыдно даже как-то. Прогноз погоды — и тому верить легче. Он, хотя бы, от текущей политической ситуации не зависит. Вот я в Бога и не верю. С одной стороны, вроде и хочется порой что-то такое себе найти, но потом думаешь — а зачем?

Неизвестный. Зачем?

Петр (в сторону). Вот же мудак-то, а? Распыляюсь тут, душу перед ним оголяю, а он? **(Передразнивает, раздраженно).** Что, где, зачем... кар, ёб твою мать, каррр! Ворона, блядь, а не человек.

Дон Хуан. Чтобы не заснуть, нужно стать птицей. Или сверчком. Ну или чем-нибудь в таком духе.

Карлос. Как ты это делаешь, дон Хуан?

Дон Хуан. Чему я вообще тебя учу? Ты что, не помнишь, что я говорил вчера, когда ты был без тела?

Карлос. Что-то смутно.

Дон Хуан. Я — ворона. Я учу тебя, как стать вороной. Когда ты этому научишься, будешь оставаться при ясном сознании и сможешь передвигаться куда угодно. А иначе так и останешься там, где свалился.

Неизвестный. Зачем?

Петр. Зачем? Я себе на этот вопрос так отвечаю: совсем без веры человеку вроде как нельзя. Нужно же хоть на что-то в жизни опираться. Фундаментально, я имею в виду. В

самых основах. Представь себе автобус, например. «Граждане пассажиры, держитесь за поручень — не то и сами убьетесь, и других к едрени матери покалечите» — на крутом повороте, понимаешь, да? А если поручня нету, или он на соплях висит, за что тогда держаться? За член соседа, что ли? Так и за него ухватишься, коли припрет, падать-то ни в коем случае нельзя. Спросишь, почему?

Неизвестный. Почему?

Петр. ... а потому, я считаю, что у каждого человека в жизни есть своя цель. Задача. Миссия. И выполнить ты ее обязан любой ценой — хоть в лепешку разбейся, но выполни. Понимаешь, о чем я? «Кому дано — с того и спросится», так ведь Библия говорит? Карма есть степень соответствия дхарме, если тебе так понятнее. Помнишь, как там у Пелевина? «Но в нас еще горит желанье, к нему уходят поезда, и мчится бабочка сознания из ниоткуда в никуда!» А хочешь я угадаю, о чем ты сейчас подумал? Угадал, скажи? «Эк тебя, приятель, занесло-то, экий ты мечтатель...»

Неизвестный. Мечтатель.

Петр. Ну да, мечтатель! И что? Ты так говоришь, как будто в этом есть что-то плохое. Но разве можно жить, совсем ни о чем не мечтая? Так ведь и свихнуться можно, к старости-то лет. Тебе вот сколько? А? Мне тридцать исполнилось. Полпути жизненного отпахал — так что уже, считать себя на пол-пути к маразму старческому? Да ни фиги. Что, типа, «земную жизнь пройдя до половины я очутился в сумрачном лесу», да? Хрен там! У меня все только начинается, я считаю.

Дон Хуан. Глупо верить, Карлитос, что мир именно таков, каким считаешь его ты. Мир — место, исполненное тайн. Особенно в сумерках. Ты чувствуешь это? Оно преследует нас. Оно способно вымотать нас, и даже убить.

Карлос. Что это, дон Хуан? Это ветер?

Дон Хуан. В сумерках не бывает ветра.

Петр. Так что ничего плохого в этом, я считаю, нет. Мечта есть у всякого. Даже глубокие старики продолжают о чем-нибудь мечтать, да вот хотя бы о бессмертии. А уж молодых копнуть — так там и вовсе одни грезы, согласись. Кто о девке покрасивее мечтает, кто о деньгах, кто о карьере... вот ты сам, например, по профессии кто?

Неизвестный. Мечтатель.

Петр. Издеваешься, да? Ну и хрен с тобой. Не хочешь, не говори. А вот я — знаешь, чем я занимаюсь? Лгу. Да, да. Ложь — вот моя профессия. Я произвожу и продаю ложь. Обман на конвейере, понимаешь о чем я? Не догадался, нет?

Неизвестный. Нет.

Петр. Да? Правда? Тогда ладно, оставим интригу. В жизни должно быть место недосказанности. Уж ты-то в этом деле настоящий мастер... должен понимать. Мы ж вообще о мечтах говорили. У тебя самого-то мечта есть?

Неизвестный. Есть.

Петр. Вот видишь! Даже у тебя, хотя тебе лет-то, пожалуй, поболее чем мне будет. А я вот знаешь о чем мечтаю? Угадаешь, нет?

Неизвестный. Нет.

Петр. Об Испании! С детства туда попасть мечтаю. Да как-то не складывается. Мы с женой все больше в Турцию мотаемся... то есть, мотались. Пока ребенок не родился — каждый год, прикинь? Анталия там, Кемер, Бодрум, ну вот это все. На Испанию ей, видите ли, денег жалко! Жаба душит! Ну это ничего, вот я денег подзаработаю, и мотаемся. Так чтоб всем хватило — ей на Турцию, мне на Испанию... это ж не так сложно, правда?

Неизвестный. Правда.

Лорка. Спешите, спешите скорее! Христос темноликий от лилий родной Галилеи пришел за испанской гвоздикой!

Петр. Вообще она у меня хорошая, ты не думай. Красивая, умная... сиськи — вот такие! Юрфак закончила. Адвокатом работает, прикинь? Как в фильмах голливудских. Круто, да?

Неизвестный. Да.

Петр. Больше меня зарабатывает, правда... и денег на Испанию ей жалко.

Лорка (садится на мотоцикл). Испания! В матовом небе светло и пустынно! Усталые реки, сухая и звонкая глина!

Петр. А впрочем, ерунда это все. Главное же, чтоб человек был хороший, да? И вообще у нас все хорошо... Денег вот еще подзаработаем, ребенка там на ноги поставим... и тогда уже заживем в свое удовольствие! Весь мир объедем, и Испанию, и Украину, и Австралию с Океанией даже... Вот тогда я любому скептику, кто в реальности круглой Земли усомнится, нос и утру аргументированно! Скажет он мне «земля, мол, плоская!», а я ему такой: «Хрен тебе, колхозник тупой, я ее по кругу вдоль и поперек объехал, так что не лечи мне тут, сиди в своем Жанатасе и не выёбывайся», ха-ха-ха!

Неизвестный молчит.

Петр. Что, не смешно? Ну и ладно.

Лорка (заводит мотоцикл). Христос остроскулый и смуглый идет мимо башен, обуглены пряди, и белый зрачок его страшен.

Петр (в сторону). Все настроение испортил, скотина.

Лорка. Спешите, спешите за господом нашим! **(Уезжает.)**

Петр. Блин. Вот сказал тебе, что все у меня хорошо, и сразу же в этом сомневаться начал. Ну заработаю я денег, ну скатаюсь в свою Испанию... и что? Что-то изменится от того в моей жизни? Миллиард людей до меня там побывало, и еще три после меня приедет. В Барселоне, говорят, круглый год от туристов не протолкнешься... и что, кого-то из них изменила та Испания? Изменила?

Неизвестный. Изменила.

Петр. Ой, да вот не свисти. Мудаком был, муذاком и останется, только будет теперь муذاком с испанской визой в паспорте. На кой черт вот это все, скажи? Вкальываешь, вкальываешь круглыми сутками, а все ради чего? Чтобы жена потом нос морщила и говорила: «Лучше б в Анталию съездили»? А ведь пока ты там на своей работе до состояния импотенции въебывал... знаешь, самое страшное-то что?

Неизвестный. Что?

Петр. А то, что за всей этой долбаной работой, за всей этой фальшью, за этим потоком лжи и ушатами говна, своего и чужого, жизнь, понимаешь, живая и настоящая жизнь куда-то девается! Этого и не замечаешь даже, но порой, знаешь, становится страшно...

Неизвестный. Страшно?

Петр. Страшно, да. Боишься... не выполнить своего предназначения, понимаешь? Умереть — не боишься, нет, а вот прожить жизнь впустую и так и не понять того, что должно было... Как бабочка — пропорхнула мимолетным видением в поле зрения — и скрылась навсегда, и никогда не будет больше... Аж пот холодный прошибает. Останавливаешься в ужасе и задаешь себе раз за разом один и тот же вопрос: «Кто я? Зачем? Куда я иду?» Для чего живу-то вообще? Ведь не ради же дел всех этих сраных... не ради берега турецкого на второй линии о четырех звездах... раз в год, да... глаза б мои его уже не видели. Не стоит все это того, не ради этого следует жить... но для чего тогда? А? Для чего?

Неизвестный. Для чего?

Петр. Да если бы я знал, для чего — разве стоял бы сейчас тут с тобой? Может, как раз вот для этого. Ради того, чтобы выйти вот так однажды вечером на улицу, взглянуть в перевернутую чашу неба и увидеть там, в этой бесконечности — хотя бы на крохотный миг! — собственное отражение. Осознать себя частью и целым одновременно, понять, что ты соткан из той же материи, что и далекие звезды у тебя под ногами... ты — полноправное дитя Вселенной. Крошечный, невесомый, почти незаметный, заблудившийся среди черной пустоты — пылинка на асфальте, мусор, на дорогу выброшенный, чмо последнее, блядь! Но все-таки часть, неотъемлемая часть мироздания, крохотная шестеренка в бесконечном механизме космоса... без которой, тем не менее, мир лишится чего-то очень важного. Без меня — да, именно без меня! — без этой гребаной шестеренки, все развалится, навсегда даст сбой в глобальных масштабах пространства и времени... понимаешь, да?

Неизвестный. Да.

Петр. Пизда! Ни черта ты не понимаешь, и даже не особо стараешься вид сделать, будто что-то там понял. Вот ты говоришь — важная часть, шестеренка, а может быть ты просто-напросто говно, падающее с верхних этажей в разъявленную пасть городской канализации, а? Что ты на это скажешь, умник? Какая у говна может быть задача? Для чего оно нужно? Единственная его цель — доползти кое-как до коллектора, слившись однородной вонючей массой с себе подобными, пролиться в землю сточными водами... удобрить почву и дать начало чему-то новому, что уже не будет говном... но и тобой тоже не будет. Понял?

Неизвестный молчит.

Петр. И это еще в лучшем случае. В худшем — ты просто навсегда отравишь собой почву, и еще очень долгие годы ничего путного там не вырастет. Вонь и запустение... такие вот дела, да. Чего замолчал-то? Обиделся, что ли?

Неизвестный молчит.

Петр. Ты не обижайся, если я в запале чего не того брякнул... я это... не со зла. Несет меня сегодня куда-то.

Дон Хуан. Помнишь первую нашу с тобой встречу?

Карлос. Конечно, дон Хуан.

Дон Хуан. Учитель не ищет учеников, на ученика всегда указывает знак, поэтому учителю нужно всегда быть начеку и не упустить свой кубический сантиметр шанса. Вот как было с тобой? Тебя привел ко мне какой-то клоун, и тут же убежал, бормоча себе под нос какой-то бред. Ты остался со мной наедине, и тоже понес какую-то околесницу... Нужно было действовать быстро и зацепить тебя.

Карлос. Ага, я помню, как ты тогда на меня посмотрел. Я и искать-то тебя отправился только из-за этого взгляда. Как ты это сделал?

Дон Хуан. Пристальный взгляд воина устремляется в правый глаз другого человека. И он заставляет того остановить свой внутренний диалог.

Карлос. Что остановить?

Отец. Ах ты сука! Да ты базар-то фильтруй, блядь безмозглая, не то ебало раскрою и не посмотрю, шалава, что ты женщина! Видеть тебя не могу уже! А ну съебала с глаз моих долой, пока я тебя не кончил!

Мать. Петя... прошу... прошу тебя... не надо при ребенке!

Отец. При ребенке? ПРИ РЕ-БЕН-КЕ, блядь?! Да в рот я ебал твоего ребенка и тебя туда же! Затрахала меня своим ребенком уже, глаза б мои вас обоих не видели... на хуй, слышишь, на хуй мне твой выблядок не сдался! Говорил тебе когда залетела — аборт делай, так нет, дура, заладила свое... а как бы всем хорошо сейчас было! Так что не выебывайся теперь, сама виновата. Хочешь — засунь его себе туда, откуда он у тебя вылез, да хоть топором прибей — мне по хую.

Мать. Ну что ты такое говоришь... смотри... он плачет. Не плачь, маленький, не плачь, мой хорошенький... **(Поет.)**

Баю-баю, за рекой
Солнце скрылось на покой,
Ходит сон по хате
В сереньком халате.
А сониха под окном
В сарафане голубом.
Ходят вместе они,
А ты, сыночка, усни...

Лорка. Ребенок может свыкнуться с печалью русской колыбельной, как с непогодой за окном, но испанской печали ребенку не одолеть. Испания — страна твердых линий. Ни одного туманного перехода, где бы можно ускользнуть в запредельность. Каждый штрих, каждый контур беспощадно точен. Мертвый в Испании мертв, как нигде. И всякий, кто вздумает грезить, споткнется о лезвие бритвы.

Отец. Завали ебало, блядь, пока я тебя не вырубил!

Лорка.

Спи, милый, не просыпайся,
уж матери нет в лачуге,
ее Пресвятая Дева
к себе приняла в подруги.

Мать. Что ты делаешь? Не надо, Петя, прошу тебя! Нет!

Дон Хуан. Никто из нас не может быть уверен в том, что его жизнь будет длиться бесконечно долго. Изменение всегда наступает резко, как понос. Точно так же приходит и смерть. Что ты можешь этому противопоставить?

Карлос. Поносу?

Дон Хуан. Смерти, идиот.

Карлос. Это риторический вопрос, Дон Хуан.

Дон Хуан. И все же?

Карлос. Жить как можно счастливее.

Дон Хуан. Верно! А ты знаешь хоть одного человека, который был бы по-настоящему счастлив?

Карлос (сперва хочет было что-то сказать, затем надолго задумывается). Нет, Дон Хуан. Я таких людей не знаю.

Дон Хуан. Зато я знаю. Есть люди, которые очень аккуратно и осторожно относятся к природе своих поступков. Их счастье — в том, что они действуют с полным осознанием того, что у них нет времени. Во всех их действиях присутствует особая сила, а в каждом поступке есть чувство.

Петр. Как тебя зовут?

Лорка. Однажды кто-то назвал меня по имени, по слогам. Фе-де-ри-ко... Я оглянулся — никого. Я вслушался и понял. Это ветер раскачивал ветви старого тополя, и мерный горестный шелест я принял за свое имя.

Петр. Что, все еще обижаешься?

Лорка. Что в имени тебе моем, Федерико?

Петр. А знаешь, ты ведь, наверное, прав. Может, и не нужны они, эти имена. Имя — оно как ярлык. Открывая его, ты как бы начинаешь претендовать на то, что знаешь человека, но ведь, если задуматься, разве ж может другой хоть что-то о тебе узнать? Смешно. Это все иллюзия, она только мешает. Вот думаешь, что знаешь человека, и начинаешь заморачиваться, не поговоришь откровенно — задумываешься такой над каждым словом. А что он обо мне подумает? А что другим расскажет потом? А так, когда у собеседника ни имени, ни истории личной, даже лица толком нет — вот тут и наступает искренность. Настоящая, без корысти и далеко идущих целей. Ни тормозов, ни границ! Хочешь — ври, а хочешь, говори правду как на исповеди — какая разница?

Неизвестный пожимает плечами.

Петр. Глупо звучит, знаю. Тоже не любишь пафос, да?

Неизвестный. Да.

Петр. Смотри-ка, заговорил! Я-то думал, от тебя теперь до самого конца ни слова не дождешься... Знаешь, что я тут подумал? Знаешь?

Неизвестный молчит.

Петр (после паузы). Стыдно мне. Ты ж меня давно раскусил, признайся? Может быть с самого начала даже?

Неизвестный молчит.

Петр. Ну не молчи, а? Да, виноват. Но ты ж сам мне подыгрывал, разве нет? Ну понесло меня, да. Как начал врать — так уже и остановиться не в мочь, а все почему, знаешь?

Неизвестный молчит.

Петр. Да просто, понимаешь, захотелось хотя бы на секунду, перед незнакомцем, стать кем-то другим. Тем, кем не был никогда, но всегда хотел быть. Кто от такого искушения удержится? Самоутвердиться. Быть в чужих глазах важнее, чем ты есть на самом деле. Ну что в этом плохого, а?

Неизвестный молчит.

Петр. Ну вот хочешь, хочешь я правду тебе расскажу? Всю как на исповеди, как на духу, ничего не скрывая, ну чтобы как бы извиниться перед тобой? Все мы врем порой. Но мне же от тебя ничего не надо, я без корысти, без желания с тебя поиметь что-то, понимаешь, да?

Неизвестный. Да.

Петр. Понимаешь... Все ты видишь, все замечаешь, а сам вот молчишь и виду не подаешь. Как и все, как и всегда. А мне, может быть, жизненно необходимо хотя бы один единственный раз признаться во всем, от начала и до конца. И даже хорошо, что мы с тобой не знакомы, и имени я твоего не знаю, да и тебе ведь, наверное, всё равно, начну я сейчас правду говорить, или врать продолжу. Всё равно?

Неизвестный. Все равно.

Петр. Я так и думал почему-то. Ну и отлично. В конце концов, это же мне нужно, а не тебе, правда? Вот с чего бы начать? Ну начну хотя бы с того, что нет у меня никакой жены, да и ребенка, разумеется, тоже... Была когда-то девушка, да и та... **(Машет рукой.)** Это я для солидности приврал. Чтобы значит как у всех было — семья в моем возрасте это очень важно. Это значит, в самом главном я уже всего достиг, дальше всё только детали. Ну так вот... ты слушаешь меня вообще, слушаешь, да?

Неизвестный. Да.

Петр. Денег нету ни хрена. Какая Турция? Какая Испания? О чем я? Хату-то съемную едва тяну... на еду совсем мало остается. Такому как я кто в долг даст или, хотя бы, в кредит? Любой дурак с первого взгляда скажет, что я по счетам расплатиться разве что жопой смогу, да кого она интересует? А в банках, сам знаешь, отнюдь не дураки сидят. Вот и приходится самому выкручиваться. Родных, считай, что нету... я тебе расскажу сейчас. Даже если затыкать станешь — все равно расскажу. Никогда у меня счастья в жизни не было, никогда понимаешь?

Дон Хуан. Думаешь, у тебя до хрена времени? Думаешь, твоя жизнь будет длиться вечно?

Карлос. Вовсе я так не думаю.

Дон Хуан. Тогда чего ждешь? Почему колеблешься вместо того, чтобы решительно измениться?

Карлос. А тебе не приходило в голову, что я не хочу меняться?

Дон Хуан. Приходило. Так же, как и ты, я когда-то не хотел изменяться. Однако мне не нравилась моя жизнь. Я устал от нее, так же как ты сейчас устал от своей. Зато теперь я чувствую, что на все мне ее не хватит.

Карлос. Но, Дон Хуан... ты так бесцеремонно ворвался в мою жизнь. Все должно происходить постепенно. Я не готов меняться так быстро.

Дон Хуан. На это нет времени, идиот. То, что ты делаешь в данный момент, вполне может оказаться твоим последним поступком на земле, твоей последней битвой. В мире нет силы, которая могла бы гарантировать тебе, что ты проживешь еще хотя бы минуту.

Мать. Сынок, потерпи... потерпи, милый. Папа всё же.

Петр. Что все нормальные люди обычно о детстве помнят? Ну там самое-самое первое воспоминание о жизни? У всех свое, но чаще светлое и яркое, понимаешь? К кому бабушка из деревни приехала, кому папа из Москвы машинку привез радиоуправляемую... а я? Знаешь, какое у меня первое о жизни воспоминание? Зима, серый свет, ветер ледяной в разбитое окно рвется. А пьяный папа бьет маму. Я прячусь под столом и не знаю, что мне делать. Даже не реву. Просто молча сижу и не знаю, что мне делать. То ли кинуться на него с кулаками, то ли зарыться поглубже, чтобы самому под руку не попасться... два года мне было! Два! А уже тогда начал понимать, что лучше заткнуться, исчезнуть и не отсвечивать!

Неизвестный вздыхает.

Петр. Проняло, да? Это еще что. Я тебе точно скажу, он и брата моего убил. Я в этом точно уверен. Был у меня братик... маленький совсем, ему и годика не исполнилось. Все, что я о нем помню — такой крохотный молчаливый сверток в руках у матери. Кулечек такой... умер. Пьяный папаша постарался. Помню менты приходили, помурьжили родителей немного, да и забили хер, ушли восвояси. Не стали разбираться особо, на хрена им геморрой лишний? Может, даже и рады были, что одним несчастным на свете меньше стало. И правильно, наверное. Больше отец с матерью детей заводить не пытались. Я так считаю, это было самое лучшее, что они оба в своей жизни сделали — на хрена, спрашивается, затаскивать кого-то в этот мир, если ты ему кроме пиздюлины ничего толком дать и не можешь, а? Зачем плодить уродов, правда?

Неизвестный. Правда.

Дон Хуан. Теперь слушай. До того, как закончатся сумерки, ты должен поймать, убить, освежевать и зажарить кролика.

Петр. Ну вот ты уже понял — папаша мой редкий мудака был. Мудака, алкаш и бездарность, и вот за эти слова свои мне не стыдно ни разу. Мать угробил, да и мне... я тебе сейчас совсем страшное расскажу, ладно? Никогда никому не говорил об этом. О таком ни с кем не говорят, даже с самыми близкими. Сам сейчас все поймешь. Как сейчас помню — первое сентября, линейка. Мне десять лет. Возвращаюсь из школы домой — нарядный такой, ну насколько в моей ситуации это возможно было. Матери нету, отец — в говно. Не знаю, что на него нашло такое, только он даже докапываться до меня не стал — просто с порога в репу зарядил, ни слова не говоря. Лицо разбил, сука... я упал, головой ударился, разревелся естественно... а этот гондон... он... в ванну меня потащил. И там...

Дон Хуан. Ну, чего смотришь? Приступай.

Петр. Мать, разумеется, ничего об этом так и не узнала. Да и что бы она сделала, если бы я ей сказал? Ей деваться некуда было. Не к кому идти... родных нету, ну то есть вот

вообще. Из детдома. Одна только тетка хер-знает-сколько-юродная где-то под Карагандой, которую она видела один раз в жизни и три письма ей написала, вроде. Она и за отца-то вышла, считай, от безысходности. Потому что из той жизни только два выхода было... либо в петлю, либо вот так, за первого попавшегося, кто согласится... Но в петлю — страшно, а жить вот так — тошно. Так и промаялась всю жизнь... пока не... а впрочем, да что я тебе обо всем этом рассказываю. Тебе же, наверное, все равно?

Неизвестный. Все равно.

Петр. Да, я так и думал. Что ж, давай наверное тогда лучше помолчим.

Неизвестный. Помолчим.

Идут в молчании.

Дон Хуан. Хватит болтовни, у тебя нет на это времени! У тебя вообще нет времени. И ни у кого из нас его нет.

Карлос. Я согласен с тобой, дон Хуан, но...

Дон Хуан. Просто соглашаться ни к чему. Вместо того, чтобы так легко соглашаться на словах, лучше достойно действовать. Просто прими этот вызов. Изменись.

Петр. Вот если бы у тебя была возможность выбирать время своей смерти, ты бы что выбрал?

Неизвестный пожимает плечами.

Петр. Я — лето. Зимой умирать страшно. Если умереть зимой, то тогда зима будет вечной, и ты никогда больше не увидишь солнечного света. Только холод и мрак, без просвета, без конца. А весной умирать обидно. Как уйти в небытие, когда вокруг торжествует новая жизнь, когда природа просыпается ото сна и все замерло в предвкушении чуда? Ты пережил зиму — какое право ты теперь имеешь умереть? Кроме того, весна слишком уж недолговечна, чтобы стать настоящей вечностью. Осень — другое дело, но слишком уж тоскливо все. Вдвойне больно умирать, когда еще свежи воспоминания об ушедшем лете, когда на тебе грузом висит тревожное ожидание грядущей зимы... а до следующего лета так далеко... далеко... бесконечно далеко. Ненавижу осень. Если у меня будет возможность выбрать время своей смерти — я без колебаний выберу лето. И тогда лето не кончится никогда.

Карлос. Что, вот так взять и измениться?

Дон Хуан. Именно так. Изменение, о котором я говорю, никогда не бывает постепенным. Оно происходит внезапно. Ты же просто щелкаешь клювом, и совершенно не готов к тому, что от одного твоего действия изменится абсолютно все. В один момент.

Петр. А знаешь, что я сделал, когда все это случилось? Думаешь, сидел и плакал в углу? Или там под машину броситься думал? А вот ни фиги. Я смотрел на солнце, понимаешь? Просто вышел на улицу, как был — лицо в крови, рубашка разодрана, в одном носке... сел на скамейку и уставился прямо на солнце. Я все смотрел и смотрел на него, до тех пор, пока мои глаза не начали слезиться, и я почти не перестал видеть. Проклятое холодное солнце сияло невыносимо ярко. Осень, мать ее. Помню, как шептал себе: «Я должен протерпеть еще немного. Я должен выдержать, и тогда все исчезнет. Все пройдет, и выяснится, что ничего не было».

Лорка. Все вокруг — раскрытый веер.

Петр. Мне подумалось тогда, что солнце — это глаз Бога, глаз, которым он смотрит в мир. И если я буду долго и пристально смотреть в этот глаз, он заметит меня, поймет мою боль и никогда не допустит того, чтобы все, что случилось, действительно случилось.

Мать. Ты где весь день шлялся, тварь? Ты в зеркало-то себя видел?

Петр. Но Бог не заметил меня. Солнце чуть не сожгло мне глаза, но ничего не исчезло. Оно село, а я вернулся домой.

Лорка. Бог — лишь точка впереди.

Мать. Я с кем разговариваю? Отвечай, когда мать тебя спрашивает! Что молчишь, язык проглотил? Ты где шлялся весь день, говорю? Ты на кого похож вообще? В говне валялся, что ли? Ах ты скотина неблагодарная! Ты во что одежду превратил, засранец? Кто теперь это отстирывать будет? Ты, что ли? Пашешь тут на них, животных, день и ночь, а что взамен получаешь? Отвечай, скотина! Что ты пялишься на меня, как баран на новые ворота? Козлы... уроды... всю жизнь в унитаз спустила ради вас... и что? Что взамен? Один бухает круглыми сутками, и этот вот дебил в ту же породу пошел... посмотрите только на него! Кто я? Зачем я? Я человек вам или кто? Я женщина, понимаете, женщина! Разве вот для этого я на свет родилась, а? Для чего? Для чего? Чтобы в хлеву со свиньями жить? Чтобы говно за вами, мужиками, подтирать, что ли? Пашешь за них! Дерьмо за них убираешь! Жрать им готовишь! И что тебе за это? Хер немый в харю? Прочь с глаз моих, видеть тебя не желаю! Господи, господи, на кого ты оставил меня? **(Садится на пол, плачет.)** Я ведь помню... я все еще помню. Все должно было быть иначе! Красное платье... цветы... яркое солнце, синее море и жизнь, живая и настоящая жизнь вокруг! Зачем я? Серые дома, пустые перекрестки, заброшенные дворы — всё это проносится мимо меня и растворяется где-то вдаль... туманной, хмельной дали... Пусть все исчезнет. Пусть ничего этого не будет. Я хочу начать сначала. Прошу тебя, господи, если ты все еще слышишь меня... если ты хоть когда-нибудь слышал меня!

Петр. Непонятно, как я вообще до окончания школы дожил. Но вот ты сейчас удивишься наверное — с учебой у меня проблем никогда не было. Я вообще ученик довольно прилежный был, а знаешь, почему?

Неизвестный. Почему?

Петр. Можно подумать, что меня дома за оценки дрючили, но нет. Родителям, разумеется, срать было, лишь бы под ногами не путался. Просто учеба — это был единственный способ от действительности уйти. И книги еще. Нормальные дети все после школы домой спешили скорее, а я — сам понимаешь — что меня там ждало? Я в библиотеку шел. Там и домашку делал, и читал, все что под руку попадет... читал, читал, читал. Библиотекарши меня любили. Жалели, наверное... городок-то у нас небольшой, всё у всех на виду, все про всех всё знают. Вот и вырос червяком книжным. Такие дела.

Неизвестный. Дела.

Петр. А как школа закончилась — мне что делать было? Хотел сперва было даже в армию пойти, думал, хуже чем дома уже все равно нигде уже не будет, да не взяли... хилый слишком. Ну я тогда в Алма-Ату и махнул. Город большой, возможностей много... у отца родственник тут дальний какой-то, то ли дядька, то ли брат троюродный, хрен проссышь в общем. Он меня к работягам своим на стройке в камору пристроил... поживи мол, пока, поработай как-нибудь, пока нормально не обустроишься. Ну я и работал... по мелочам всяким, уборщик там, дворник, подтащи-подержи-отнеси-сбегай, что-то такое вот. Нормально, в общем-то, жил. Уж всяко лучше, чем дома. Три года так прожил, представляешь?

Неизвестный (неразборчиво).

Петр. И все три года пытался на актерское поступить. На грант, разумеется, денег-то на платное не было... Когда вопрос о профессии встал — я, знаешь ли, не особо долго думал. Скрывать настоящие эмоции и выдавать вместо них фальшь, которую требует ситуация — о, это я всегда хорошо умел. Вопрос выживания, сам понимаешь, да?

Неизвестный. Да.

Петр. И поступил в итоге! На грант, как и хотел! Так обрадовался, что даже родителям впервые за три года позвонил... вот лучше бы не делал этого. Отец невменяемый был совершенно, за гранью добра и зла. Пьяный в говно. Еле понял, кто я такой. Оказалось, мать два месяца уже как умерла. И представляешь — этот мудака мне даже сообщить не удосужился! Вообще забыл, наверное, о том что я существую... Пиздец.

Дон Хуан. Ты остаешься здесь, а я уйду. Поступай как знаешь. Но помни, чтобы выжить, нужна кристальная чистота и абсолютная уверенность в себе.

Карлос (к зрителю). Он ушел? Вы знаете, я вам по секрету скажу — я вообще не понимаю, кто я такой и почему здесь очутился. Что я здесь делаю? Зачем все это? Я понимаю только, что в какой-то момент жизнь завернула куда-то не туда. Какая-то пустота поселилась в груди... гулкая, противная пустота. Все постепенно теряет смысл... утекает, растворяется, выцветает. Кто я? Зачем? Куда я иду?

Вот скажите, у вас не бывает такого? Выходишь ты вечером на балкон, покурить — и вдруг тебя пронзает невыносимое такое ощущение гнетущей тишины. Хотя улицы, как всегда, полны народа, ревуших машин и прочей городской суеты... Вокруг тебя шум, а ты стоишь в абсолютной тишине, просто она не снаружи, а внутри. И ты тонешь в ней...захлебываешься... кричишь... но никто не слышит тебя. Мир просто не слышит твоего крика. Для него ты все так же стоишь на балконе, делая затычку за затычкой, и смотришь вниз отсутствующим взглядом. И ведь не одна сволочь не заметит, как внутри тебя зреет нечто, готовое взорваться в любую секунду, разорвать к чертовой матери всю эту остохреневшую реальность со всеми ее обитателями. Мир вокруг похож на бесконечно тянущийся ночной кошмар, а ты все никак не вырвешься из его паутины, не проснешься, не вздохнешь полной грудью... И тишина. Только тишина вокруг.

И вот ты стоишь в этой тишине, и не можешь отделаться от совершенно четкого ощущения, что ты абсолютно один в этом мире. Куришь — и с каждой затычкой в мире что-то умирает. Точно маленькие кусочки краски осыпаются с разноцветного полотна, и жизнь становится все более серой, пустой и страшной. И тебе плохо. Невыразимо плохо. Вот поэтому я здесь. Все мы здесь по одной причине. Мы просто хотим вырваться из этого кошмара...

Голос дна Хуана. Карлос, я все слышу!

Карлос (оглядывается по сторонам). Так, где тут этот гребанный кролик?

Петр. Десять лет уже с тех прошло... охренеть. Где теперь отец, что с ним, жив ли вообще — понятия не имею, да и иметь не хочу. Может, сдох давно по пьяни, может, квартиру пропил и бомжует... один хрен, туда ему и дорога. Ну а я теперь вот актер... стой, погоди. Смотри, это что такое там? Голубь, что ли? Или крыса?

Останавливается.

Петр. Ну точно, голубь! Да куда ты смотришь, слепой, что ли, совсем? Вон, по левую руку... за пакетом шуршит, не видишь? Давай его поймем, а?

Дон Хуан. Ну что ты смотришь?

Неизвестный. А?

Дон Хуан. Приступай.

Петр. Да ладно, ну чего ты как целка ломаешься. Давай, давай. На счет три, ну. Ты слева, я справа... поехали. Раз. Два.

Неизвестный. Три.

Карлос (держит в руках кролика). Дон Хуан...

Дон Хуан. Теперь убей его.

Карлос. Не могу.

Дон Хуан. Почему?

Карлос. Никогда этого не делал.

Дон Хуан. Ты же убил сотни птиц и других животных.

Карлос. Так из ружья, не голыми же руками!

Дон Хуан. Какая разница? Время этого кролика подошло к концу.

Петр. Вот он, вот он!

Дон Хуан. Убей его!

Карлос. Да не могу я, блядь.

Петр. Держи ее, держи! Аааай, сука!

Карлос. Черт с ним. Я никого не буду убивать. Я его отпускаю.

Петр. Твою мать...

Дон Хуан. Он мертв, Карлос. Ты убил его. Куда ты хочешь отпустить мертвеца?

Карлос блюет.

Дон Хуан. В руках этих сил мы — мусор, ничто. Прекрати потакать своему чувству собственной важности. Теперь ты должен съесть его.

Петр. Блядь! Блядь! Блядь!

Дон Хуан. Твоя ловушка стала для него последней битвой.

Петр. Да сразу догадаться можно было!

Неизвестный. Можно было.

Петр. Мертвый... мертвый... мертвый...

Дон Хуан. Я же тебе говорил: время его скитаний по этой чудесной пустыне закончилось.

Неизвестный. Пойдем. Нам пора.

Петр. Кто ты? Зачем? Куда мы вообще идем?

Неизвестный молчит.

Петр. Не слышит. Или делает вид, что не слышит. Я уже ничего не понимаю. Что я здесь делаю? Кто он такой? Кто я такой? С кем я, и куда вообще иду, с какой целью? От него, похоже, ответа не дождешься, так что давай попробуем рассуждать логически, Петя.

Дон Хуан. Первым делом учитель внушает ученику идею, что знакомый ему мир — это только видимость, описание. Каждым своим усилием он доказывает это ученику. Именно эту идею принять труднее всего на свете. Наш ограниченный взгляд на мир захватывает нас полностью, без остатка; мы вдруг начинаем действовать так, словно уже все знаем и умеем... так и подышаем в плену своих иллюзий не успев даже толком понять, что, собственно произошло. Наша ограниченность ослепляет и душит нас. Ты слеп и глух. Пустота в твоей груди — лишь следствие твоей ограниченности. Все мои действия направлены лишь на то, чтобы докричаться до тебя. Заставить перестать смотреть — и тем самым научить, наконец, видеть.

Петр. Все началось с того, что я ему на уши начал припадать. За жизнь беседовать. Слово за слово, и вот... стоп, а что, собственно, вот? Он-то разве хоть что-то мне сказал? «Что, где, да, нет, правда, бред, кар... кар...» вот же ж ворона долбаная. Но как так? Если подумать, он только и делает, что повторяет мои последние слова...

Лорка. Сквозь тебя, сквозь меня катит волны свои пустота, на заре проступая прожилками крови...

Петр. Лорка, отвали.

Лорка...мертвой гипсовой маской, в которой застыла мгновенная мука пронзенной луны.

Петр. Луны? Думай,Петя, думай... **(Неизвестному.)** Куда мы идем?

Неизвестный (маня рукой). Идем!

Петр. Куда?

Неизвестный повторяет жест.

Петр. За тобой?

Неизвестный. За мной.

Дон Хуан. Маги говорят, что мы находимся внутри пузыря. Мы помещены в него с самого рождения. Сначала он открыт, но постепенно начинает закрываться... закрываться... пока не запрет нас внутри себя полностью.

Петр. И что бы все это могло значить? Может быть он — это я? Может быть, тут и вовсе нет никого и ничего, кроме игры воспаленного разума?

Лорка. Есть кровь под кожей, гранатовая от ярости, кровь, живая на красных шипах ножевых...

Петр. Лорка, отвали!

Лорка. ...во мраке теней от клешней и терний луны, в небесах горящей как рак.

Дон Хуан. Этот пузырь – наше восприятие. Мы живем внутри него всю свою жизнь. А то, что мы видим на его круглых стенках, – наше собственное отражение.

Петр. Да кто это? Моя тень? Отражение? Проекция? Обязательно нужно разобраться. Это важно. Нет в мире сейчас ничего важнее... как же это?

Дон Хуан. Пузырь – это все твои представления об окружающем мире. Все, что тебе внушали родители и общество. Это он мешает тебе видеть и слышать. Чтобы ты мог избавиться от него, для начала мне нужно было изменить твою картину мира. Любым доступным способом.

Карлос. У меня только один вопрос, Дон Хуан. Почему ты так часто заставлял меня принимать все это дерьмо?

Дон Хуан. Потому что ты тупой.

Карлос. Что-что?

Дон Хуан. Сам знаешь что! Ты слишком заторможенный, и не было другого способа расшевелить тебя.

Петр (громко). Я принимаю героин.

Неизвестный. Что?

Петр. Героин.

Неизвестный. Героин? Ну и что?

Петр. Я – торчок. Нарик, понимаешь? Опустившийся, презренный, никому не нужный нарик. Я уже семь лет ширяюсь. Проторчал все, что на хате съемной было... телек... микроволновку... мебель... даже аквариум с рыбками. Не знаю, кому они на хер сдались. Не помню. Страшно подумать, что будет, когда хозяева увидят. Как из театра не поперли до сих пор – не понимаю. Ты знаешь, что такое героин? Знаешь?

Неизвестный. Знаю.

Лорка. Это трупы, я знаю! Трупы, и останки слезящихся кухонь, в песок зарытых.

Петр. Да откуда тебе знать? Ты что, ныкался по подворотням в ожидании барыги, стыдливо отворачивая глаза от прохожих? Бегал от ментов, задыхаясь, моля вырывающееся из груди сердце не останавливаться и потерпеть еще чуть-чуть? Шмонал карманы у пьяных в поисках кошелька? Гопствовал совсем еще сопляков, чтобы наскрести на очередную дозу? Катался по полу в раздирающей все тело ломающей боли, когда, кажется, каждая жилка, каждый нерв превращается в раскаленную добела струну? Героин – это яд. Долгожданный яд по венам. Глоток свежего воздуха – буквально на секунду, а затем...

Неизвестный. Ой, да не грузи ты, блин. Устроил тут спектакль.

Петр. Спектакль? Да что ты в этом понимаешь вообще?

Неизвестный. Серотонин. Дофамин. Эндорфин. Яд по венам. И снова из холодной изначальной темноты зеркала на меня пристально смотрят чьи-то глаза, и в этом взгляде

мне чудится всё то, с чем я не пожелал, не захотел, не сумел смириться. Только б дожить до весны... не прерывая нить, не разрушая структуры, не отрицая неизбежного — растворяя жалкие остатки своего внимания в безудержной хаотической пляске этих безумных огней, уносящихся вдаль. Только вперед — вечное «вперёд», убегая из одной пустоты в другую, скорее, скорее — столовыми ложками пожирая секунды и километры — лишь бы не останавливаться. Лишь бы не задумываться над тем, от чего же ты всё-таки бежишь и куда, в конечном счете, собираешься добраться. Ничто не важно. И мир исчезает, словно лицо, нарисованное кем-то на песке у самой линии прибоя.

Петр. Какого еще прибоя?

Неизвестный. Морского.

Петр. Ни хрена не понимаю.

Дон Хуан. Это потому, что ты тупой.

Неизвестный. Оно и не удивительно.

Петр. Слушай. Смотри. Ты когда-нибудь прыгал с парашютом?

Неизвестный. Нет.

Отец. Пидора ответ. Мужик ты или тряпка?

Лорка. Мой сын был сильным, но мертвые все же сильнее. И могут обглаживать небо.

Мать. Петя, перестань!

Петр. И я нет. Сыкую. Да и денег нету все равно.

Отец. Слабак. Чмо.

Лорка. Вот был бы мой сын медведем...

Отец. Пошел на хуй, ты, как там тебя звать.

Петр. Знаешь, что такое бейс-джампинг?

Лорка. Не боялся б я хитрых кайманов...

Мать. Чтобы я таких слов от тебя никогда больше не слышала!

Лорка. ...не глядел, как солдаты насилуют море, причалив его к деревьям.

Неизвестный. Это когда с веревкой прыгают, что ли?

Лорка. Эх, был бы мой сын медведем!

Отец. Отвали, слышишь?!

Петр. Нет. С веревкой — это другое. Как оно там по-английски будет то...

Мать. Никогда из тебя человека не выйдет. Неудачник.

Неизвестный. Тарзанка, короче.

Мать. Пошел бы делом лучше занялся. Как все.

Петр. Да к черту ее, твою тарзанку. Заладил тоже. Я вообще не о том говорил. Бейс-джампинг — это когда земля совсем близко, и времени на раскрытие парашюта практически нет. С небоскреба, например. Или с моста. Не важно.

Неизвестный не отвечает.

Петр. Представь себе, что небо — это пропасть. Гигантская пропасть без конца и края, разверзнувшаяся у тебя под ногами. Пропасть, в которую так легко упасть, но из которой очень тяжело выбраться обратно. Представь себя чайкой... увидь высоко над собой далекую зеленую землю. Рванись к ней, что есть мочи. Рванись, чтобы вырваться из обжигающей пропасти неба. Земля все ближе... ближе... ближе, и, чем ближе земля, тем быстрее становится ее приближение. Когда она станет такой большой, что заслонит собой всю пропасть неба, когда тебе покажется, что ты уже можешь коснуться ее рукой — закрой глаза. Вспомни свою жизнь, и скажи лишь одно только слово, которое могло бы описать ее всю во всей её полноте. Ты услышишь тихий-тихий звук, словно чайной ложечкой кто-то осторожно коснулся хрустального бокала. Открой глаза. ТЕБЯ НЕТ. Сообщи Богу, что ты прибыл.

Лорка. Но я-то уже не я, и не мои эти стены.

Дон Хуан. Прыгай, прыгай! Твои ноги достигнут вершин деревьев, эвкалипты похожи на зеленые точки. Черви — это свет.

Неизвестный. Ну и к чему здесь все это?

Петр. А к тому, что мы с тобой сейчас именно этим самым бейс-джампингом и занимаемся.

Отец. Онанисты ебаные.

Неизвестный. Не понял.

Отец. Это потому, что ты тупой.

Петр. В психологии есть такой прием, бейс-джампинг. Полное погружение в детство. К самым основам.

Лорка. Врешь ты все, Петенька. Нет такого приема.

Петр. Лорка, отвали.

Карлос. Да хоть все учебники прошерсти — нет там никакого бейс-джампинга, да и не было никогда. Я психологию изучал. Ты это только что придумал, чтобы на него впечатление произвести.

Неизвестный. Короче, я тебе что, психолог? Причем здесь твоя тарзанка?

Мать. Не смей, скотина, матери перечить!

Петр. Хорошо, будет тебе тарзанка, раз ты так настаиваешь. Раз и навсегда. Мне все равно терять нечего, жизнь — говно, хоть завтра в петлю лезь. Всего хорошего, что в ней было... да по пальцам одной руки пересчитать можно. Слушай теперь.

Неизвестный. Что слушать-то?

Петр. Правду.

Неизвестный. Правду?

Дон Хуан. Повседневный мир существует только потому, что мы знаем, как удерживать его образы.

Петр. Я тебя давно раскусил.

Карлос. Но как узнать, что ты проснулся?

Дон Хуан. Что за глупые вопросы, Карлос. Ты бы еще спросил, в чем смысл дзен-буддизма.

Лорка. А в чем смысл дзен-буддизма?

Отец. Я тебе сейчас ебало разобью!

Карлос. Лорка, отвали.

Мать. Когда на небе нет облаков, луна бороздит просторы озера.

Неизвестный. О чем ты?

Петр. Нет никакого тебя.

Дон Хуан. Когда мир вверх ногами, то мы вниз ногами, а когда мир вниз ногами, то мы вверх ногами. Теперь, когда и мир и мы вниз ногами, то мы думаем, что мы наружу ногами.

Отец. Да вы ебанулись тут все.

Лорка. Не поможет, малыш. Извергайся. Ничто не поможет.

Мать. Петя, не вмешивайся. Не надо, Петя!

Отец. Отвали, блядина.

Лорка. Нет. Это не рвота гусара на груди проститутки, не отрывка кота, невзначай проглотившего жабу.

Неизвестный. Что за бред? В каком это смысле?

Мать. Лорка! Уйди, христом богом заклинаю!

Лорка. Ну это уже совсем ни в какие ворота не лезет.

Петр. Да в самом что ни на есть прямом. Я тут один, понимаешь. А ты... не знаю даже, кто ты и что ты такое. Тень? Отражение? Проекция?

Отец. Сборище пидорасов.

Неизвестный. Ты вот это серьезно сейчас, Петя?

Отец. Ты как с отцом разговариваешь, сука? Ну-ка подошел сюда! Быстро! Народил же уroda на свою голову...

Петр. Более чем. Видишь, веревка? Вот я сейчас повисну на ней и брошусь на тебя ногами вперед, с разбегу.

Неизвестный. На хрена?

Отец. Что ты сказал, блядь?

Петр. Ты исчезнешь.

Мать. Я так не могу больше. Заткнитесь все, хотя бы на минутку.

Лорка. Это трупы скребут земляными руками. Кремневую дверь, за которой гниют десерты.

Неизвестный. С чего это мне исчезать?

Мать. ЛОРКА, ОТВАЛИ!

Петр. Да потому что я так хочу. Ты — плод моего воображения, понимаешь? Тень, отражение или еще какая-то хрень... не знаю, что ты там такое, вот только тебе со всей неизбежностью придется либо повторить мой трюк без веревки, либо исчезнуть.

Карлос. Дон Хуан! Дон Хуан!

Отец. В рот я ебал такую жизнь. Пойду повешусь.

Карлос. Дон Хуан!

Лорка. Пустотелые женщины с тающим воском детей...

Дон Хуан. Лорка, да отвали же ты.

Карлос. Дон Хуан!

Лорка. У закисших деревьев, среди суматошной прислуги...

Неизвестный. Ты бредишь, Петя.

Карлос. Дон Хуан!!!

Дон Хуан. Ну чего тебе?

Карлос. Я, кажется, обосрался.

Петр (прыгает). Джеронимо!

Мать. Прочь с глаз моих!

Неизвестный. Джеронимо, блядь. Да ты больной в натуре.

Петр. Как это... как такое может быть? Ты не исчезаешь! Ты что, существуешь?

Неизвестный. Тебе в каком смысле ответить, в общефилософском или узколокальном? Разумеется, я существую. А вот ты, Петенька, натурально с катушек съехал. Со всей ответственностью тебе заявляю.

Петр. Но я...

Неизвестный. Головка от часов «Заря»! Что ты тут за спектакль устроил, говорю? Героин, трудное детство, Испания... хоть про родителей такое б нести постыдился, а? Разжалобить меня хотел, что ли? Или внимание к себе привлечь? Думаешь, я про тебя ничего не знаю? Совсем головой повернулся? Забыл, как дела на самом деле обстоят?

Петр. Действительно, забыл.

Неизвестный. Так тебе напомнить, может?

Петр. Да что ты меня наезжаешь-то, а? Ну подумаешь, заврался. Подумаешь, толкнул. Подумаешь, крыша немного поехала — с кем не бывает-то?

Неизвестный. Заврался. Толкнул. Крыша у него поехала. Жена у него адвокат. В Турцию они катаются, а Испанию у них денег нет. Отец у него алкоголик... у тебя там внутри ничего не дрогнуло, а? Не стыдно? Актером он, блядь, стал. Хоть мне-то не ври, а? Ты о чем у меня просил-то хоть, помнишь? Чего хотел? Сформулировать сможешь?

Петр. Просил... не помню... хотел... наверное, хотел хоть на секунду почувствовать себя по-настоящему живым.

Неизвестный. И как, почувствовал?

Петр. Вроде бы...

Неизвестный. Ну. А теперь чего хочешь-то?

Петр. Хочу... хочу правды. Настоящей правды. Окончательной!

Неизвестный. Какую тебе еще правду, Петя?

Петр. О себе. О жизни. Обо всем на свете? Да какая в жопу разница? Любую! Правда она ведь одна!

Неизвестный. Вот тут ты, Петр, глубоко заблуждаешься. Но я тебе не психолог, чтобы клешнями из тебя вытаскивать то, что тебе и так хорошо известно. Ты мне за это не платишь. Забыл? Так вспомни! Я, если что, подскажу.

Петр. Я — лунатик? Ну, тот что по карнизам голый ночью шляется? Сейчас проснусь, и окажется, что я с трудом балансирую на тонком жестяном карнизе, и под ногами у меня — пропасть?

Неизвестный. Размечтался. Это было бы слишком просто. Холодно.

Петр. У меня раздвоение личности?

Неизвестный. Что за бред. Хотя, впрочем, теплее. Намного теплее.

Петр. Да не томи ты, скажи уже! Ведь ты — это я?

Неизвестный. Горячо, Петя. Очень горячо. Ты уже близок к разгадке. Остался всего лишь один небольшой шажочек... давай, Петя. Ебашь свой бейс-джампинг. К самым основам, Петенька. Сообщи Богу, что ты прибыл.

Петр. Я — это ты?

Неизвестный. Бинго.

Неизвестный. Меня не существует? Тебя не существует. Но как же это... ведь только что я... а вот сейчас. Прекрати уже разговаривать сам с собой, блин. Но зачем все это? Кто я? То есть, кто ты? Зачем мы здесь? Что делаем? Это что, сцена? Я что, играю в спектакле? Не льсти себе, придурок. С актерского тебя еще на втором курсе поперли, за то, что бездарность полная, да еще и деньги в деканате скрысил. Не помнишь, что ли? Служить бы тебе в армии, да папа отмазал. А ты его только что алкашом и мудаком обзывал, не стыдно? Стыдно. И мне стыдно. Актеришка, блядь. Давай, убирай все, пока актеры не пришли, премьеры у них сегодня. А ты тут прикладной сеанс психоанализа устроил, вместо того, чтобы прямые свои обязанности выполнять. Какие обязанности? Да ты тупой в натуре. У тебя в руках что? Швабра. А вон тряпка в ведре. Надеваешь тряпку на швабру и вперед, полы мыть. Зачем? Что значит «зачем»? Работа у тебя такая. Гордись, твоя детская мечта сбылась, ты работаешь в театре. Да, уборщиком. А кто тебе виноват? Надо было запросы к мирозданию формулировать четче. И деньги не крысить. Крыса ты, дорогой мой. Мерзкая дохлая крыса. И нечего тут теперь рыдать и жертвой обстоятельств прикидываться. Веревка? Какая еще веревка? Зачем это здесь?

Лорка. Вот и мне интересно — зачем это здесь? Ты для чего петлю-то скрутил, Петя?

Неизвестный. Что? Петлю? А ты что здесь делаешь? Ты кто такой вообще?

Лорка. Не по адресу вопросы задаешь. Лучше себя спроси — кто ты и что здесь делаешь? И кто вот он?

Неизвестный. Да его нету же на самом деле. Я его только что выдумал, просто так, от скуки.

Лорка. Выдумал? Уверен? Но зачем?

Неизвестный. От скуки, говорю же... Да он сам меня просил... хочу, говорит, хоть на минутку живым себя почувствовать.

Лорка. Да как же он мог тебя о чем-то просить, если его, по твоим собственным словам, и нет вовсе?

Неизвестный. Ну как просил... в голове. Наверное, я сам себя и просил, но зачем?

Лорка. Я тебя об этом и спрашиваю. Зачем?

Неизвестный. Не знаю... наверное, я просто устал. Всегда, сколько себя помню, мечтал стать кем-то другим. Быть кем-то другим. Жизнь начать с нуля. Хотел... чуда.

Лорка. А в чем тут чудо-то?

Неизвестный. Не понимаешь... и не поймешь. У тебя-то, поди, жизнь совсем другая была. Интересная. А у меня что? Где место чудесному избавлению? Мечте? К чему стремиться, если у тебя с самого начала и так все было, чего только пожелать можно? Хорошая семья... таланты... мозги... здоровье... а я просрал все, просрал, понимаешь? Мне тридцать лет, и кто я? Уборщик в сраном, всеми забытом театре!

Лорка. Так ты поэтому петлю скрутил? Вешаться сюда пришел, да? Хотел внимание на себя обратить? Приходят актеры на репетицию — а тут ты во всей красе ножки такой развесил, обоссанный да обосранный, с языком изо рта вывалившимся? Достойный финал достойной жизни, не так ли? Слабак.

Неизвестный. Да, слабак! Трус и слабак, я разве ж отрицаю? Такова моя природа от самого рождения, что я могу с этим поделаться? Но разве ж это преступление — мечтать о лучшей доле? Хотеть лучшего?

Лорка. И палец о палец не ударить, чтобы к нему приблизиться. Впрочем, вот, петлю скрутил, напруг кисти, молодец, хвалю. Думаешь, она к чему-нибудь такому тебя приблизит?

Неизвестный. Да я... я и не хотел вовсе. Просто... нашло что-то. Затмение какое-то. Сумерки разума...

Карлос. Сумерки — это прекрасное время. Самое прекрасное, что дается человеку. Его уникальный кубический сантиметр шанса. Сумерки — это трещина между мирами. Дверь в неизвестное. За ней — бездна. Лишь преодолев эту бездну, можно понять, кто мы, зачем и откуда идем.

Неизвестный. Я не понимаю, кто вы такие. И о чем вы говорите — я тоже не понимаю.

Карлос. У тебя нет времени на все это дерьмо, приятель. В этом — беда всех человеческих существ. Времени нет ни у кого из нас.

Дон Хуан. Ну наконец-то ты хоть что-то понял.

Карлос. Ты думаешь, я действительно изменился?

Дон Хуан. Ты такой же идиот, как всегда. И все же ты — другой. Понимаешь, что я имею в виду?

Лорка. Мужики, вам пора.

Карлос. Последний вопрос. А дальше-то что?

Дон Хуан. В таких случаях учитель обычно говорит своему ученику, что они прибыли на последнее перепаху. Но говорить так — значит вводить в заблуждение. На мой взгляд, нет никого последнего перепаху и никакого последнего шага к чему-либо. Я просто открою для тебя дверь. Но прежде, чем мы переступим эту черту, необходимо честное предупреждение. Безопасность и спокойствие этого момента — мираж. Перед нами находится бездонная пропасть. Если дверь открыта — нет никакого способа закрыть ее вновь.

Неизвестный. Что? Постойте? Вы что, уходите? Вы не можете так меня здесь бросить! Вы же меня даже не выслушали! Его вот его все слушали, а я? Я что же? Ведь я же живой человек, понимаете? Настоящий! Не фантом какой-нибудь! У меня тоже биография есть! История! Мне, может быть, тоже есть о чем рассказать!

Карлос. Может быть и есть. Только это ты уже не нам рассказывать будешь.

Неизвестный. Сволочи вы, сволочи! Гады! Фашисты! Почему меня никто никогда не хочет выслушать? Почему?

Лорка. Бог слышит тебя. Я всегда тебя слышал.

Неизвестный. Да как вы... Вы ж меня убиваете, сволочи! Вы же меня убьете сейчас, как вы не понимаете?

Дон Хуан. Мы теперь будем просто пылью на дороге. Может быть, когда-нибудь она

опять попадет в твои глаза.

Дон Хуан и Карлос уходят.

Неизвестный. Лорка, где ты? Выслушай хоть ты меня!

Лорка. Я всегда слышал тебя. Но время слов подошло к концу.

Неизвестный. Помоги мне! Помоги мне хоть раз!

Лорка. Я не могу тебе помочь, и никогда не мог. Ты выдумал меня, чтобы снять с себя ответственность за все происходящее. Но так не может длиться вечно. Ты должен научиться сам отвечать за каждый свой поступок.

Неизвестный. Ты нужен мне!

Лорка. Нет, не нужен. И никогда не был.

Неизвестный. Не уходи!

Лорка. Я уйду. Теперь я просто пыль на дороге — то, чем и был всегда. Но кто знает, куда приведет эта дорога? Кто знает, быть может в ее конце ты снова встретишь меня.

Неизвестный. Нет! Пстой! Дослушай! Я еще не все сказал! Я еще не все сделал! Я не хочу умирать! Я хочу, чтобы меня услышали! Хотя бы один раз! Кто-нибудь, пожалуйста! Кто-нибудь слышит меня? Не бросайте меня здесь одного! Я не хочу снова! Нет!

Лорка уходит.

Неизвестный. Ну вот. И что теперь? **(Берет в руки петлю.)**

А я ведь просто хотел поговорить. **(Просовывает голову.)**

Просто хотел быть услышанным. **(Плачет.)**

Отрываясь от земли. Ветер, тоскливо воющий на холодную луну — гладит последние, голые лица деревьев. Что в имени тебе моём? И только листья протяжным стоном скрипят под ногами: кто я... кто я... кто я...

Осень — пустой колодец, бесконечное падение, склизкие стены — не уцепиться, не ухватиться, не задержаться. Только вперёд... вниз... гнилая вода, чёрные бездны, гулкое эхо да квакание мёртвых лягушек... и там, позади — глоток неба... крохотный голубой квадратик, утекающий, растворяющийся... прочь, прочь, нечего делать и некуда бежать — всё предопределено, всё поделено, всем сёстрам по серьгам, всем братьям по хлебалу... ничего, ничего — утешают тебя метущиеся потоки воздуха, это всего лишь осень... кто я, кто я... пропевая по слогам твоё имя... но что в имени тебе моём? Пустой звук, надёжная крепость, враг у заставы... о боги, боги — как здесь всё заброшено...

Опустошённая голубятня, солома пахнет сыростью и смертью... голод — и тоскливо плачет на ветру одинокая створка окна... кто я... кто я... Спят... они просто уснули, ведь они забыли небо... им нечего и не с кем делить... голодные, обездоленные — но счастливые... мёртвые, но счастливые...

Капли крови струятся по опавшим листьям, вычерчивая на холодном асфальте неведомые руны — чужие имена, забытые истины, ненаписанные стихотворения... всё здесь, всё сложено, всё спето... прости.

Упадок, забвение... сложенные в замок руки, поза эмбриона — закрыться, уйти, только бы не видеть, только бы не знать...

Голос. Глаза. Память. словно из-под воды, словно из других измерений... имя... одно только имя, по слогам, по буквам, по бездорожью... но это всего лишь умирающий тополь прошептал обессилено: кто я... кто я...

Так близко, так далеко... рядом, совсем рядом — но вне досягаемости, бескрайние серые равнины, пустые времена... никогда, никогда — не преодолеть, не пройти, не понять... нет,

нет, нет. Закрыться, забыть, но всё продолжается и надо продолжать... руны по асфальту, масляные краски, фальшивое золото... пепел, пепел, пепел опавших листьев... и они всё знают, они готовы... они уже готовы.

Шаг, другой, осень — бесконечный колодец, что в имени тебе моём?

Слова твоей песни неведомы мне. Дверь скрипит на холодном ветру. Разбитые окна. Покосившиеся стены. Топот убегающих вдаль секунд. Небо, небо пахнущее разложением. Сморд мокрых листьев. Холод прикосновений — голых веток, опустошённых домов. Пустые глазницы обессиленных сердец. Тебя здесь нет. Не было и никогда не будет. Асфальт, отдающий последнее тепло, последнее дыхание лета... твои руки, затмившие собой небо... голос... но это только провода настороженно гудят, предчувствуя зиму... кто я... кто я... кто я...

Котёнок, перебегающий дорогу, потерявший новую весну. Раздавленная улитка.

Ослепительное солнце. Нужно продержаться хоть чуть-чуть. Терпи, терпи. Солнце — это глаз бога? Он смотрит в мир. Если долго и пристально смотреть ему в глаза, он заметит нас, он услышит. Он всё поймёт. Обжигает глаза, но я слышу его голос. Что в имени тебе моём? Но это только вода устало напевает свою бесконечную песню... кто я... кто я... кто я...

Я бегу. Я продолжаю куда-то бежать... и только эхо шагов смеётся вослед... кто ты? кто ты?

Как черепаха, спрятавшаяся в густой траве. Среди всех этих лиц. Всех этих голосов. Я помню. Я всё ещё помню.

Та, что долготерпит. Та, что милосердствует. Та, что не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла. Та, что никогда не перестаёт.

Да только осень. Все языки смолкли. Крик раненного зайца. Всхлип раздавленной улитки. Осень. Осень.

И ветер, отрываясь от земли, все поёт и поёт моё имя.

Отражение в лужах. Иней, буквами неведомого алфавита покрывающий землю. Всё так просто. Просто продолжай дышать.

Отпускает петлю и с недоумением глядит по сторонам.

Неизвестный. Хуйня. Бред какой-то.

Берет в руки швабру. Моет пол